

Список источников фактического материала и принятых для них сокращений

- 1) Folk-tales of the British Isles: Сб./ Сост. и коммент. Дж. Риордана. — М.: Радуга, 1987. — Ft.
- 2) Jacobs J. English Fairy Tales. — Puffin Books. — Printed in England by Clays Ltd, St Ives plc, 1994. — Eft.
- 3) Scottish Folk and Fairy Tales (chosen and edited by Gordon Jarvie). — Penguin Popular Classics. — Printed in England by Cox & Wyman Ltd, Reading, Berkshire, 1997. — SFFt.
- 4) English Fairy Tales (illustrated by Arthur Rackham). — Wordsworth Classics. — Printed in Great Britain by Mackays of Chatham plc, Chatham, Kent, 1994. — EFT2.

А.М. Пыж*

Самарский государственный университет

Лингвистические и экстралингвистические факторы структурно-семантической специфики английской юридической терминологии

А. Pyzh

Lingvistic and Extralinguistic Factors of Structural and Semantic Peculiarities of English Law Terminology

Structural and semantic peculiarities of English law terminology are influenced by lingvistic historical and cultural which are analysed in the paper.

Английская юридическая терминология характеризуется рядом особенностей по сравнению, во-первых, с ее эквивалентами в других национальных языках, во-вторых, с терминологическими системами других специальных областей знания и, в-третьих, с лексиконом общеупотребительного пласта естественного языка. На пересечении

этих трех линий сопоставления наглядно проступает разнообразие данной терминологической парадигмы. Оно определяется рядом факторов, относящихся, с одной стороны, к специфике строя английского языка (лингвистические факторы), а с другой, к особенностям предметной области языка права и уникальности путей социально- и культурно-исторического развития английской нации (экстралингвистические факторы). В данной статье мы по отдельности коснемся этих факторов.

Как известно, английский язык принадлежит к числу языков аналитического строя. Сравнительная бедность флексийного фонда, а также ограниченность числа словообразовательных аффиксов в словах нероманского происхождения, составляющих около 60% английского лексикона, обуславливает активность и продуктивность неаффиксальных способов словообразования (грамматической конверсии, корневого словосложения, семантической деривации, телескопического словообразования, а также в определенной мере — чередования корневых звуков и сдвига ударения). Кроме того, в областях морфосинтаксической системы английского языка наблюдается перевес синтаксических средств выражения грамматической семантики над морфологическими, что приводит к широкому использованию конструкции с примыканием при образовании устойчивых словосочетаний. В частности, весьма распространен субстантивный бином (беспредложная асиндетическая конструкция из двух и более существительных), а также герундиальные конструкции без предлогов и т.п. Указанные особенности слово- и фразообразования прослеживаются и в сфере юридической терминологии.

По нашим подсчетам, в проанализированном корпусе эмпирического материала 32% приходится на долю корневых слов. В качестве примеров можно привести слова *oath, judge, draft, right, case, law, crime, tax, breach, care, charge, fee, fine, court, suit, proof, loss, bill, grant, bond, deed, bail, rule* и мн. др. Те из них, которые составляют ядро юридической терминологии, зачастую имеют давнее происхождение (нередко общегерманское или древнеанглийское). Так, существительное *oath* возникло из древнеанглийского *âth*, которое, в свою очередь, этимологически восходит к германскому **aithaz*; существительное *breach* происходит от древнеанглийского *bruce*, восходящего к германскому **brukiz* из **brekan*. Редукция окончаний в среднеанглийс-

кий период сделала их односложными корневыми словами. Те основополагающие термины права, которые восходят к античным (латинским и греческим) словам, тоже с течением времени претерпели отпадение флексий; при этом, если заимствование было опосредованным (через норманский диалект старофранцузского языка), редукция могла происходить еще до заимствования. Например, английское слово *case* этимологически восходит к норманскому *cas*, возникшему из латинского слова *casus* (в данном случае флексия отпала после его поступления в английский лексический фонд).

Односложные корневые термины образовались не только по указанной причине, но и в следствии опрощения, приведшего к исчезновению морфемных швов. Так, слово *judge* восходит к латинскому сложному слову *judicem* (род. п. от *judex* < *jus* “право” + *dicus* “говорение, речь”).

Таким образом, можно проследить следующую причинно-следственную цепь: давность происхождения английских базовых юридических терминов обусловила высокую степень их ассимилированности, проявившейся в редукции и опрощении. Этим, на наш взгляд, объясняется высокий процент односложных корневых слов в ядре английской юридической терминосистемы. Это весьма удобное свойство, так как оно дает возможность создавать производные термины (сложные слова и словосочетания), мотивационно прозрачные, но не страдающие чрезмерной длиной и громоздкостью. Например, *tax base*, *tax law*, *prize court*, *war crime*, *fee tail*, *air-force law*, *joint will*, *full age*, *quit rental*, etc. В русском (флективном языке синтетического строя) соответствующие термины зачастую многосложно и громоздки.

Англ.

tax base (2 слога)
tax law (2 слога)
war crime (2 слога)
joint will (2 слога)
charge sheet (2 слога)
break clause (2 слога)
breath test (2 слога)
Bomb hoax (2 слога)

Рус.

основа налогообложения (11 слогов)
налоговое законодательство (11 слогов)
военное преступление (9 слогов)
коллективное завещание (10 слогов)
обвинительное заключение (11 слогов)
статья об аннулировании контракта (11 слогов)
проверка на содержание алкоголя в крови (15 слогов)
ложное сообщение о заминировании (16 слогов)

Отсутствие флексий и суффиксов регулярно приводит к тому, что английские субстантивные биномы (словосочетания) сливаются в сложные слова: *land trust* – *landtrust*; *poll tax* – *polltax*; *test case* – *test-case*; *loan sharking* – *loansharking*; *stockholder*! *stockholder*, etc. Это в несравненно меньшей степени характерно для русской юридической терминологии вследствие наличия развитой системы флексий и словообразовательных аффиксов, препятствующих лексикализации устойчивых словосочетаний. Ср.: англ. *copyright* – рус. *авторское право*; англ. *stockholder* – рус. *держатель акций*; англ. *trademark* – рус. *торговая марка* и т.п.

Особенности словопроизводства в сфере английской юридической терминологии тоже способствуют лаконизации выражения мысли, повышению семантической емкости терминов при сохранении их краткости. Этот эффект достигается путем приращения смысла термина.

Англ.

speeding (2 слога)

payee (2 слога)

trustee (2 слога)

buggery (3 слога)

movable (3 слога)

holder (2 слога)

overcrowding

(4 слога)

Рус.

превышение скорости (8 слогов)

получатель платежа (7 слогов)

доверенное лицо (7 слогов)

половые извращения (9 слогов)

движимое имущество (8 слогов)

владелец ценных бумаг (7 слогов)

превышение нормативов жилой площади (14 слогов) и мн. др.

В сфере английских устойчивых словосочетаний тоже наблюдается тенденция к использованию лаконичных беспредложных и бессоюзных конструкций (в проанализированном нами материале словосочетаний такие формулировки составили 46 %). Например: *contingency fee* «гонорар, выплачиваемый юристу лишь в случае выигрыша судебной тяжбы»; *majority verdict* «вердикт, признаваемый действительным лишь в случае его вынесения большинством присяжных» (в противовес *totality verdict* «вердикт, действительный лишь в случае единогласного решения присяжных»); *paternity suit* «судебное разбирательство по установлению отцовства» и т.п. Сказанное относится не только к субстантивным биномам, но и к словосочетаниям «прилагательное + существительное»: *sick pay* «оплата по больничному листу»; *legal proceedings* «судебный процесс»; *unfair*

competition «незаконное использование чужой торговой марки»; constitutional rights «конституционные права» и т.п., а также к конструкциям «герундий + существительное (прямое дополнение)»: diluting the shares «выпуск девальвационных акций»; shifting the burden «перенесение ответственности (на другое лицо)» и т.п.

Словосочетания, основанные на предложной связи, составляют 18% собранного нами материала английского языка; они в большей степени характерны для русской, чем для английской юридической терминологии. Приведем ряд английских примеров: conclusion of fact «заключение, сделанное на основе фактов и здравого смысла»; conclusion of law «заключение, сделанное на основе закона»; privilege against self-incrimination «конституционное право обвиняемого на отказ от дачи показаний против себя»; trial by jury «судебное разбирательство в суде присяжных». Такие термины обладают более сложной структурой в плане выражения, чем термины приводившиеся выше; зато они характеризуются большей мотивационной прозрачностью и меньшей конвенциональностью значения, что способствует более эффективному выполнению ими идентифицирующей и дефиниционной функций.

Обобщая все сказанное выше о собственно языковых факторах структурно-семантической специфики английских терминов права, следует отметить, что это термины, вследствие влияния вышеупомянутых словообразовательных и морфосинтаксических особенностей строя английского языка, в значительном числе случаев характеризуются наличием имплицитного компонента в их семантике, обширным приращенным смыслом, частичной конвенциональностью значений и идиоматичностью; перечисленные свойства приводят к тому, что многие из них не в полной мере выполняют идентифицирующую и дефиниционную функции, зато обладают достоинствами высокой семантической емкости и сравнительной краткости, что повышает пропускную способность информационного канала в юридическом дискурсе. Такие термины не являются полностью «самообъяснительными»; их внутренняя форма не эксплицирует всех категориальных признаков соответствующих понятий, поэтому их значения нужно учить по словарю, но затрата этих усилий компенсируется сокращением речевой цепи, времени речепроизводства и произносительных усилий.

Обратимся далее к *внеязыковым факторам*, обуславливающим своеобразие юридической терминосистемы, с одной стороны, и юридического дискурса, с другой. В качестве важнейшего из них выступает комплекс особенностей предметной области языка права. Необходимость как можно более верного соотнесения обстоятельств дела с требованиями закона, соблюдения нравственных и идеологических принципов социума в формулировках законодательных актов, адекватного истолкования правовых документов требует от юридического языка максимальной точности и однозначности выражения мысли. В этом аспекте юридические тексты характеризуются разной степенью семантической ригидности в зависимости от степени абстрактности / конкретности выдвигаемых законодательных положений. Еще Бонапарт, комментируя свой знаменитый наполеоновский кодекс, указывал, что текст конституции (основного закона) страны должен быть сформулирован кратко и туманно; во всяком случае, он должен быть абстрактным, способным «покрыть» собою многочисленные и постоянно модифицируемые частные законы. Законы, входящие в Гражданский и Уголовный кодексы, должны быть сформулированы точнее и конкретнее, так как именно на них ориентированы судебные решения. Еще в большей степени это относится к подзаконным актам, указам и постановлениям законодательных органов, а также к решениям суда. В них нет места амбивалентным формулировкам, тропам и фигурам речи и прочим размывающим смысл риторическим приемам: ведь от точности формулировки зависит вынесение вердикта и приговора.

Не только тексты законов и постановлений, но и протоколы судебных заседаний, а значит, и тексты выступлений участников судебного процесса должны содержать недвусмысленную и точную информацию. В качестве иллюстрации приведем эпизод из описания заседания суда, в котором защитник уточняет содержание показаний свидетеля, выражающего свою мысль образно, а значит амбивалентно:

«And then he suddenly *saw red*».

«What do you mean by the defendant *seeing red*?»

«I mean that he was *so infuriated* that he lost control of himself»

(J. Galsworthy)

Употребление в свидетельских показаниях метафорической идиомы *to see red* «разгневаться, разъярится, взбесится (и т.п.)» (ср. рус. *как красная тряпка для быка*) непригодно для вынесения судебного решения, так как ее значение размыто и, в зависимости от ситуации, может обозначать разные степени эмоционального возбуждения. Для вынесения вердикта и приговора нужна более точная формулировка («*so infuriated that he lost control of himself*»): от нее зависит, будет ли преступление квалифицировано судебным органом как *manslaughter in the heart of passion* (рус. *убийство в состоянии аффекта*) или *murder with malice aforethought* (рус. *убийство с заранее обдуманном намерением*). В свою очередь, выбор формулировки определяет меру наказания. В этом состоит причина, по которой защитник потребовал уточнения формулировки.

Однако это не означает, что в языке права совершенно отсутствуют образные средства обозначения. Привнесенные в юридическую терминологию из профессионального слэнга, они все же имеются в ней в небольшом количестве. Приведем ряд примеров: *white paper* «комментарий к законопроекту»; *green card* «вид на (постоянное) жительство в США»; *lobbyism/-ist* (< *lobby* «вестибюль, приемная») – лоббирование; *straw man* «подставное лицо (в сделке)»; *turn-table doctrine* «положение закона, согласно которому владелец собственности, способной причинить вред детям, обязан ограждать от нее детей» и т.п. Такого рода термины могут применяться в юридическом дискурсе благодаря тому, что их значения точно определены в правовых документах и специальных отраслевых словарях, поэтому их «стершаяся» внутренняя форма не влияет на их правильное понимание в контексте.

Этим они отличаются от общеупотребительных языковых единиц типа *to see red*.

Таким образом, экстралингвистический фактор специфики английского юридического языка состоит в особенностях его культурно-исторического становления и развития.

Библиографический список

1. Galsworthy, J. *The Forsyte Saga. Book 1. The Man of Property.* – М.: Прогресс, 1974
2. *Collins English Dictionary.* London, Glasgow: William Collins Sons and Co. Ltd., 1975. – 1264 p.

3. Dictionary of Law. — Peter Collin Publishing, 1995. — 258 p.
4. The All Nations English Dictionary. — Colorado Springs: All Nations, 1990. — 828 p.
5. Англо-русский толковый словарь юридических понятий и категорий англо-американской правовой системы. — М.: Титул, 2003. — 568 с.
6. Энциклопедический юридический словарь. — М.: Инфра-М, 1998. — 790 с.
7. Правовой классификатор и правовой тезаурус в законодотворчестве и юридической практике. — Екатеринбург, 1998.
8. Внутренняя форма слова // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энц., 1990. — С. 85-86.

С.И.Дубинин*

Самарский государственный университет

**Реконструкция функциональной парадигмы
немецкого языка позднего средневековья:
устные / письменные формы в ареале юго-запада**

Sergej Dubinin

**Rekonstruktion des Funktionalparadigmas der deutschen
Sprache des Spätmittelalters:
mündliche / schriftliche Formen im Areal des Südwestens**

In dem vorliegenden Artikel werden aktuelle Aspekte der möglichen Rekonstruktion der Sprachformen im deutschen Südwesten um 1450-1600 hinsichtlich der Herausbildung der regionalen Variante der Schriftsprache behandelt.

Диатопические изыскания все более успешно используются германистами как методологический прием в исследовании истории немецкого литературного языка в широком контексте языковой и социо-коммуникативной ситуации [1, 48-52]. Особенно продуктивен данный подход в отношении формирующихся территориальных вариантов немецкого литературного языка (далее ТВЛЯ) позднего

* © Дубинин С.И., 2005.